

Афер Ализаде

<https://orcid.org/0009-0007-3862-4037>

Азербайджанская академия художеств

10.30546/2518-752X.2.507.016

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В МИРОВОЙ ПРОЗЕ О ХУДОЖНИКЕ

Ключевые слова: любовь, вдохновение, творчество, иллюзия, мольберт, чувство трепета

Açar sözlər: eşq, ilham, yaradıcılıq, illüziya, molbert, həyəcan

Keywords: love, inspiration, creation, illusion, easel, a feeling of trepidation

Введение. Представленные в статье мастера слова, прослеживая масштаб личности художника, освещают грани его характера, поиски и обретения, восприятие любви. Чуткий художник нередко поддается инерции. Только искусство помогает художнику сохранить себя. Что важнее: вдохновение, любовь или усердие? Любовь и рисунок – отправные точки духовного мира художника? Истинный художник – это тот, кто рисует сердцем, следуя чувству, а не разуму? Всегда ли он относится к своей музе с почтением и трепетом? Художник в искусстве находит противоядие – воображаемый мир принимает более реальные очертания. Искусство заставляет трепетать, волноваться, размышлять. В живописи художник видит таинство. Находясь перед мольбертом, он становится частью неведомого действия. Чем сильнее он погружается в творчество, тем сильнее отдаляется от жизни.

Научная новизна статьи. Новизной работы является сосредоточенность исследования концепта «любовь» в мироведении художника на проблеме разных культур: азербайджанской и мировой, своеобразие которых мы пытаемся раскрыть на основе герменевтического анализа текстов произведений национальной и зарубежной литературы.

В романе «Творчество» (1886) Эмиль Золя повествует о судьбе несостоявшегося талантливого художника, непонятого и недооцененного современниками. Писатель воспроизводит страстные муки творчества, веру в самореализацию, безуспешные попытки вернуть утерянное равновесие, припадки отчаяния и систематическую травлю Клода Лантье, жаждущего выразить себя в живописи.

Судьба художника трагична и фатальна. Приютив в ненастную погоду незнакомую девушку, он все же находит в себе силы воспользоваться представившимся случаем и запечатлеть на холсте с чувством трепета и благоговения женскую наготу, боготворимую художником. Наготу утонченную, хрупкую, стыдливую. Золя рисует непокорную природу художника, его потрясение, восторг и упоение творчеством, неистовое желание воплотить

мечту. В нем борются противоречивые чувства. Клод предстает то поддающийся гневу от сознания собственной беспомощности, то в иступлении бьющийся над своей работой, измученный и ожесточенный в своем упорстве. Сторонник нового искусства – пленэра, Клод не понимает и не принимает общепринятую живопись. Настоящему художнику недостаточно одной мастерской: талант требует широких просторов. Любованье ночным Парижем, прогулка по острову Сен-Луи, бег по Гревской набережной, работа за Монмартрским холмом, достижение интересных эффектов в изображении пейзажей характеризуют в Клоде пылкого человека, для которого жизнь не существует вне живописи. Живопись для него есть форма художественного познания действительности. Но, как справедливо утверждает А.М.Зверев, «Новаторству, если оно неподдельно, не приходится рассчитывать на овалции» [2, 124]. Он сталкивается с потребительским отношением к искусству. Толпа не приемлет его новаторства – видение мира, выбор сюжета и его трактовку.

«Отвратительно примешивать к искусству низменные, меркантильные интересы!», – заявляет Золя [3, 369]. Писатель поднимает проблему культа успеха, его условности и относительности у отличающейся низким уровнем культуры вульгарной публики. Успех большого таланта все чаще зависит от нелепых и смешных случайностей. О живописи судят невежды. Живопись становится предметом торговли, а полотна – биржевой акцией. Разъяренные выскочки-миллионеры с брезгливой гримасой грубо отвергают работы Клода. С каждой отвергнутой картиной гибнут его иллюзии. Он не находит гармонии в союзе с Кристиной. Переноса свою любовь исключительно на полотна, он предпочитает искусство семейному счастью. Сама мысль о любви внушает ему страх и ужас. Жизненная правда только там, за мольбертом.

Творчество ни одного большого художника не вмещается в рамки определенного направления. Настоящий художник всегда выше устоявшихся традиций и канонов. Ему подвластны все стихии творческого самовыражения. Разнообразные проявления художественных исканий, попытки работать во многих жанрах отличают героя-художника романа Ги де Мопассана «Сильна как смерть» (1888). Упоенный славой Оливье Бертен – энтузиаст своего дела. После оглушительного успеха портрета Клеопатры, Париж, окружив его почестями, делает своим избранником и предсказывает творческое бессмертие. Запечатлевая на полотнах исполненных грации и изящества светских красавиц, он достойно играет свою роль «самого изобретательного и искусного истолкователя» неуловимой женской души [4, 31].

Мопассан предлагает читателю историю самозабвенной любви стареющего художника к молодой девушке. Влюбленный в красоту художник познает все грани любви – любовь-спасение, любовь-принуждение, любовь-собственничество, любовь-вожделение. Однако после встречи с Аннетой в свертхчутом Бертене вспыхивает любовь совершенно иного характера. Превратившись в точную копию собственной матери в молодости, Аннета лишает его душевного покоя. Любовь чувственная и поэтическая у Бертена сменяется губительной любовью, любовью сильнее смерти.

Примечателен роман Эриха Марии Ремарка «Приют грез» (1920). Лирический эпизод из жизни большого таланта передан немецким писателем углубленным показом душевных переживаний. Мансарда, названная героем романа «приютом грез», несет глубокую смысловую нагрузку и выступает не только ведущим элементом сюжета и фоном для развития действия. Мастерская есть обитель, новое измерение, полноценный образ произведения. Наделенная определенной символикой мастерская дает возможность выявить эмоциональное состояние художника. Рука старого композитора и художника Фрица Шрамма все тянется к альбому для эскизов. Он уже не может работать с прежней отдачей. Быстрыми штрихами мэтр набрасывает рисунок своей возлюбленной, ушедшей из жизни много лет назад. Сердечная привязанность, трогательная нежность, чувство трепета и прочие потрясения давно превратились в мираж, но мысленно художник трагического мироощущения продолжает оставаться в своем прошлом. Жизнеописание художника разворачивается ретроспективно – от настоящего к прошлому. Картины былого бесконечно оживают перед его глазами – сердце мастера перестало биться с тех самых пор, как он потерял юную Луизу – объект поклонения.

Нидерландский писатель Тейн де Фрис в романе «Рембрандт» (1935) обращается к образу художника, чье творчество являет собой вершину голландской реалистической школы. На страницах романа Рембрандт предстает человеком нелегкой судьбы: честный и бескомпромиссный, верный своим идеалам служитель искусства. Измеряя пальцами ширину краев холста, водя по нему кистью, нанося древесным углем линии и штрихи, портретист блаженно и мучительно ищет спасение в художественном труде. Это состояние рождает в нем чувство всемогущества и непобедимости. Нередко творческий подъем уступает болезненному беспокойству и вызывает безудержное отчаяние, немощь и пустоту. Не все замыслы удастся воплотить: творческое видение временами покидает художника. Даже холст сопротивляется немощной руке. Одержимый творчеством Рембрандт не замечает вокруг себя зависть и тщеславие недругов, клевету и предательство. Он с горечью осознает истину: счастье никогда не бывает постоянным. Давать все, ничего не получая взамен, – трагическая участь всех великих мастеров.

Судьба посылает ему Титуса, сына от Саскии ван Эйленбурх, и Корнелию, внебрачную дочь от Хендрикье Стоффелс. Отношения Хендрикье с Рембрандтом церковный совет называет греховной связью. Блюстители нравственности угрожают несчастной женщине страшными карами, не допускают к причастию. Преданная Рембрандту и детям женщина не настаивает на законном браке, а предпочитает оставаться в глазах света его любовницей. Оставаясь до конца ему верной спутницей по жизни, она делит с ним все лишения и разочарования.

Любовь и брак не спасают героя романа Теодора Драйзера «Гений» (1915). Влюбленный в красоту, неспособный хранить верность одной женщине, не считающийся с жизненными условностями, мягкосердечный по природе и склонный к самоанализу и рефлексии Юджин Витла не имеет представления о чувстве привязанности к семье. Брачные узы ограничивают

его свободу и мешают восприятию искусства. Он не испытывает к Анджеле Блю глубокие чувства, недооценивает ум и душевную красоту девушки, воспитанной в строгих правилах добродетели, готовой во многом подчиниться патриархальным традициям и условностям своего времени. «У него были иные боги, которых он ставил выше ее, – богом было для него искусство, богом была природа, богом был человек, как объект для живописи», – пишет Драйзер [1, 238]. Юджин одержим лишь страстью к искусству.

Удача сопутствует герою романа Эрнеста Хемингуэя «Острова в океане» (1970) Томасу Хадсону во всем кроме любви. Художнику-маринисту с мировым именем не удастся упорядочить свою жизнь. Неистово влюбленный в искусство и бесконечно ему преданный Хадсон не может удержать любимую женщину, мать своего старшего сына Тома. Не удастся ему также сохранить второй брак: погружение в живопись составляет весь уклад его жизни. Этого требует состояние его души. «Мастерство – оно в тебе. В твоём сердце, в твоей голове, в каждой частице тебя. И талант тоже в тебе», – рассуждает герой Хемингуэя, высоко ставящий призвание художника [6, 378].

Герой романа Кензо Китаката «Зимний сон» (1996) предпочитает уединенный образ жизни в горной хижине. Эксцентричный художник замыкается в себе, полностью изолировавшись от окружающего мира. Предпочитая социальной жизни внутренний монолог с самим собой, он перестает замечать даже внешние проявления природы. Осенние цвета кажутся ему фальшивыми, люди вызывают у него только раздражение. Он выбирает непродолжительные связи и не ищет сердечной привязанности. Он не видит спасения в отношениях с Нацуэ Косуги, владелицей картинной галереи, предприимчивой и деловой женщиной, пребывающей в плену его таланта. Однако встреча с Акико Цукаду, юной художницей, проявившей живой интерес к его личности и творчеству, наводит на впечатлительного художника неведомое ранее умиротворение: уходят напряжение и безверие. Безотчетно водя углем по холсту, он пытается запечатлеть хрупкую девушку. Работа над портретом заполняет все его пространство, но после его завершения душевный подъем снова заменяется внутренней пустотой. Закончив портрет, он теряет интерес к девушке, расстается с мечтой и снова чувствует себя неживым.

В рассказе «Окно» азербайджанский писатель и киносценарист Натиغ Расулзаде предлагает читателю историю любви старого художника к юной девушке. Сердце не просто реагирует на внешний раздражитель. Это трепетное чувство воспринимается им как некий знак свыше – благословение, которое так жаждет душа творца. Любовь как центр мироздания дарит герою писателя новые импульсы созидания, вдохновляет на яркие художественные открытия. Он своей любовью обретает чувство сопричастности. Семидесятидвухлетний Мирага совсем не ощущает груз возраста, он по-новому начинает воспринимать свою немощность, а старость – это то состояние, когда человек перестает ощущать жизнь в себе и вокруг. Жизнь заново открывает для него светлые стороны, возрождая в разочарованном, «одиноким, желчным, обозленном» человеке интерес к настоящему [5, 419]. Может ли творчество быть альтернативой любви? Забыв о времени, Мирага

с душою работает над портретом Джейран. «В работе человек близок к Богу, как никогда, ближе, чем в молитве. Особенно в созидательной работе, в творчестве, когда просыпается в человеке творец, когда разгорается и ярко светит божья искра» [5, 442]. Поведение художника, его благородство и готовность принять поворот своей судьбы на грани последнего заката рисуется Расулзаде с большим тактом и мастерством. Его герой познает отеческую любовь, но судьба отказывает ему изведать чувства возлюбленного. Рассказ подчеркивает не подавленность старика, а его силу. Испытывая отрезвляющее чувство, он мужественно принимает союз девушки с молодым человеком и этим подчеркивает свою душевную мощь.

Заключение. Исследование вышеизложенных художественных произведений азербайджанских и зарубежных авторов позволяет прояснить смысловую наполненность этического концепта «любовь». Сущность незаурядной творческой личности заключается в ее избранности. Выдвигая положение о высокой содержательности изобразительного искусства, о его насыщенности глубокими идеями и образами, художник соотносит его с понятием универсума, и любовь воспринимает как благословение. Любовь есть духовная метаморфоза, позволяющая человеку познать себя как высшую субстанцию. Однако нередко он намеренно избегает любви и обретает гармонию только при соприкосновении с холстом. Творчество, уподобляясь религиозному акту, рассматривается им как богослужение. В творческом процессе он познает Бога. Постичь это откровение дано не каждому, ибо только избранный художник в ниспосланном ему Всевышним откровении преодолевает свою приземленность, свою земную конечность и устремляется к бесконечному.

Практическое значение статьи состоит в том, что она может представить интерес для литературоведов, изучающих как азербайджанскую, так и зарубежную литературу. Статья будет интересна также искусствоведам, которые хотят погрузиться в духовный мир художника.

Литература:

1. Драйзер Т. Гений: роман / Перевод с английского / Т. Драйзер. – Вильнюс: Государственное издательство художественной литературы Литовской ССР, – 1955. – 680 с.
2. Зверев А. М. Дворец на острие иглы: Из художественного опыта XX века / А.М.Зверев. – Москва: Советский писатель, – 1989. – 416 с.
3. Золя Э. Радость жизни. Творчество: романы / Перевод с французского/ Э. Золя. – Москва: Правда, – 1986. – 672 с.
4. Мопассан Г. Сильна как смерть: роман / Перевод с французского / Г. Мопассан. – Москва: Азбука-Аттикус, – 2010. – 288 с.
5. Расулзаде Н. Окно: рассказ // Ловушка. Повесть и рассказы / Н. Расулзаде. – Баку: Нагыл еви, – 2005. – 553 с.
6. Хемингуэй Э. Старик и море. Опасное лето. Праздник, который всегда с тобой. Острова в океане / Собрание сочинений: [в 4 томах] / Э. Хемингуэй. – Москва: Художественная литература, – т. 4. – 1982. – 735 с.

Afər Əlizadə

Xülasə

RƏSSAM HAQQINDA DÜNYA NƏSRİNDƏ “MƏHƏBBƏT” KONSEPTİ

Təqdim olunan məqalədə Azərbaycan və xarici ədəbi mətnlərində “məhəbbət” konsepti məna yaradıcı element kimi araşdırılır. Tədqiqat obyektini kimi N. Rəsulzadə, E. Zolya, G. Mopassan, E. M. Remark, T. Fris, T. Drayzer, E. Heminqvey, K. Kitakatanın baş qəhrəmanı rəssam olan əsərləri götürülür. Yazıçılar psixoloji aspektdə həm rəssamın varlığının metafizikasını, həm də onu əhatə edən gerçəkliyi – məişət, ehtiyac və tələbatlarını işıqlandırır. Rəssamın həyatı axtarışlar və şirnikləndirici cazibə, gözləntilər və ümid-sizliklə zəngindir. “Məhəbbət” konseptinin təhlili özündə yaradıcılığa, rəssamlığa aludəliyi ehtiva edir. Diqqət mərkəzində məhəbbət, ekspressiya, infantilizm, fədakarlıq kimi psixoloji kateqoriyalardır. Yaradıcılıq əzabları, uğur kultu, rəssamın emosional həssaslığı məqalənin mövzusunun semantik mahiyyətini tamamlayır və genişləndirir. Rəssam yalnız öz daxili səsini dinləməyə öyrəncəlidir. Fədakarcasına vəcd halında o, üstünlüyü eşqə deyil, incəsənətə verir.

Afer Alizadeh

Summary

THE CONCEPT OF "LOVE" IN WORLD PROSE ABOUT THE ARTIST

In this article the concept of love as a sense-forming element of the texts of Azerbaijani and foreign literature is examined. The works by N. Rasulzadeh, E. Zola, G. Maupassant, E.M. Remarque, T. Fries, T. Dreiser, E. Hemingway, K. Kitakata in which artist is the main character are drawn as a basis here. The writers illuminate both the metaphysics of artistic existence and its everyday reality – everyday life, needs and demands – in a psychological aspect. The life of an artist is full of searches and temptations, expectations and disappointments. The analysis of the concept of love appeals to the problem of immersion in the element of painting. The author's attention is fixated on different psychological categories, such as love, expression, infantilism, psychological instability, self-denial. The throes of creativity, the cult of success, the emotional sensitivity of the artist complement and expand the semantics of the stated theme. The artist is accustomed to listening exclusively to his own inner voice. In selfless extasy, he gives preference not to love, but to art.

Rəyçi: dos.G.Hüseynli